

Александр Образцов

Ц И Ц Е Р О Н

1. Седая девушка

Когда мне было восемь лет, я влюбился в китайку.

Это случилось в кино. Я, как всякий второклассник, взял билет за пять копеек и улегся на пол перед первым рядом. Надо мною на уходящем ввысь экране начала разыгрываться потрясшая меня история девушки. Она столько всего испытала, бедняжка, от японцев и своих предателей, что к концу фильма стала совершенно седой.

Мой друг, первоклассник Саловаткин Витя, лежал с ангиной. Я пришел в гости и в лицах, завывая и дрожа голосом, начал рассказывать китайский фильм.

Мама Саловаткина была председателем родительского комитета. Она выслушала мой монолог, накинула шаль и бросилась в школу.

Вскоре я рассказывал историю седой девушки на совете дружины.

Учебный год заканчивался. 1952 год проходил под флагом борьбы корейского народа и китайских добровольцев против американского агрессора. Газета «Амурская правда» опубликовала заметку «Взволнованное слово пионера». Там я был назван Славой, но события были изложены верно. За исключением того, что район попало в идеологическую ловушку: в пионеры мне было рано, но газета обкома партии уже произвела меня в таковые.

Делать нечего. Собрали школьную линейку и повязали мне пионерский галстук.

Этим дело не закончилось. Газета «Пионерская правда» напечатала маленькую статью под названием «Самый юный пионер Страны Советов и “Седая девушка”». Заведующий Джелтулакским районом осетин Майрам Николаевич Джигоев слег с инфарктом.

Газета ЦК КПК «Жэньминь жибао» в ответ напечатала статью «Советский пионер смотрит фильм китайских кинематографистов о подпольщице Народно-освободительной армии Китая».

В конце марта в наш поселок примчалась «победа» райкома партии и меня повезли на станцию Большой Невер (сорок километров по сопкам с ветерком!) и там я вместе с выздоровевшим Майрамом Николаевичем сел в поезд «Москва — Владивосток» (стоянка поезда две минуты) и поехал в Хабаровск.

В Хабаровске к нам присоединился первый секретарь крайкома ВЛКСМ Олег Белоглазов и мы на самолете ИЛ-14 начали разбег.

Самолет оторвался на полтора метра и упал на выпущенные шасси в капустное поле.

Нам срочно подали другой. Мы взлетели на Мукден.

В Мукдене (нынешний Шэньян) мы сделали посадку.

Олег Валерьянович сказал, что нас должен был принять премьер Чжоу Энь-Лай, но так как наш самолет упал в капустное поле, прием отменяется, и мы должны ехать в город Чанчунь, на центральную китайскую кинофабрику.

Когда мы на поезде приехали в город Чанчунь, нас встречали на улицах толпы китайцев в синей форме. Я здорово испугался.

Нас привезли на черной машине к какому-то дворцу. Там в зале было еще больше китайцев, чем на улицах. Меня повели на сцену. Все аплодировали.

Потом все повернулись и стали аплодировать какой-то женщине-китайке, которая шла по проходу к сцене.

Когда она подошла ко мне и протянула руку, я понял, что это «седая» девушка.

Только какая же она седая? Она черная! И стриженная!

И здесь я вдруг зарыдал от обиды. Значит, она не поседела от страданий! Значит, все было понарошку!

Китайцы не поняли моей обиды и принялись аплодировать еще сильнее. Многие плакали, как и я.

А у «седой» девушки были злые глаза: она поняла, что я ее уже больше не люблю.

2. Возвращение

Меня встречал весь поселок. Я даже испугался и забился в угол «победы». Но Майрам Николаевич взял меня за ухо и предъявил проносящейся по сторонам шоссе толпе поселщиков.

В дальнейшем Майрам Николаевич довольно долго сопровождал меня в различные поездки, поэтому я расскажу о нем подробнее.

Говорили, что по национальности он осетин. Национальность я понимал тогда как способ расцветки. Евреи, азербайджанцы, корейцы возбуждали во мне зависть. Как же! Я ведь всего только русский. А они еще и евреи, азербайджанцы, корейцы...

Майрам Николаевич был осетин, и это другое дело. Майрам Николаевич в прошлом году был в нашей школе учителем истории. О нем рассказывали ужасные вещи. После уроков он дрался с девятиклассником Сергеевым, который играл в поселковой футбольной команде в защите. Когда Сергееву мяч попадал на ногу, он бил его так высоко, что все задирали головы и он долго еще падал за центром поля. Он так скакал после этого, что никто из противников не мог его остановить.

Сергеев жил в бараке у клуба со своими братьями и матерьюуборщицей.

Говорят, что Майрам Николаевич загнал Сергеева в директорский кабинет и закрыл его на ключ. Утром Саловаткин Витя пришел в школу раньше всех и видел оскаленное лицо Сергеева, который тряс решетку в окошке над директорской дверью.

Еще Майрам Николаевич очень любил бросаться мелом. Однажды он попал в лоб красавице Потокиной из шестого класса.

3. Слава

Потокина подошла ко мне в школе и внимательно рассмотрела.

Я также снизу рассмотрел ее. Никакого шрама на лбу не было. Лоб был белый-белый. А глаза серые. Я перевел взгляд вниз — у нее и валенки были серые. В серых валенках ноги не мерзнут, не то что в черных.

— Совсем маленький, — обидно сказала Потокина подруге. — Везет малышам.

Тогда я рассказал им о том, как самолет падал в капустное поле.

Они слушали, раскрыв рты.

На следующей перемене Потокина с подругой ждали меня под дверью класса. Я рассказал им о толпах китайцев на улицах Чанчуня и о «седой» девушке со злыми глазами.

После уроков они снова ждали меня и чуть не подрались из-за моего портфеля — каждая тянула его к себе.

Мне не хотелось, чтобы мама видела меня с большими девочками. Сам не знаю почему. Поэтому я отправил Потокину и ее подружку Светку учить уроки, а сам забросил портфель на кровать и пошел в клуб.

Меня просто распирало от желания кому-то что-то рассказать.

Пацаны собирались у клуба сражаться на саблях. Клуб был на склоне сопки и к нему вела громадная лестница из досок. Внутри лестницы оборонялась рота пехоты. А снаружи лестницу штурмовал десант. Сабли мы резали из маленьких листовенниц на Школьной горе. Перед каждым сражением мы тщательно проверяли длину сабель, подставляя их одну к другой. Любое прикосновение саблей к телогрейке или шапке считалось смертельным. Споров не возникало — сейчас мне кажется это самым странным.

Но пацаны восприняли мои попытки рассказать о поездке в Китай совершенно равнодушно — им не терпелось начать сражение.

Именно тогда я понял навсегда, что единственными слушателями являются женщины.

Мужчины — враги культуры.

Однако нельзя было пользоваться своим преимуществом в этом направлении, это я тоже понял. Иначе можно напороться на презрение. Лучше оставаться рядовым бойцом в команде победителей.

А свои успехи у противоположного пола надо не замечать и не ценить. Это как хорошая погода.

4. Потокина

Пока происходили эти события, мне внезапно, к моему большому счастью, исполнилось девять лет. Не нужно объяснять, что я немедленно и безумно влюбился в двенадцатилетнюю Потокину.

После стриженной китайской подпольщицы, которую я любил в восемь лет, это было сдачей позиций. Но я уже знал из рассказов пацанов, что женщины живут совсем не так, как их показывают в кино. Например, биологичка Новикова часто приходит на уроки с фингалом: так ее любит муж-бульдозерист.

Мне показалось странным, что от любви получаются фингалы, но я не стал расспрашивать старших пацанов, а нашел на папиной этажерке книгу «Декамерон» и углубился в чтение.

Многие места были непонятны. В частности, о поцелуях. Там говорилось, что от них кружится голова и дамы падают в обморок. Меня по несколько раз в день целовала бабушка в Иркутске на каникулах, и мама не пропускала, чтобы не чмокнуть, но я не то что обморока — кроме щекотки ничего не чувствовал.

Потом: то, что они друг с другом делали. Я долго размышлял, представлял, анализировал. Но ничего не выходило. Не хватало какого-то важного человеческого органа. Во всяком случае у меня не было такого, чтобы женщины от этого рыдали и стонали.

Можно, конечно, заломить руку, но вряд ли им это понравится.

Я мог поспрашивать у одноклассника Белоусова, который часто рассказывал истории о соседках по бараку. Но, повторяю, мне не о чем было говорить с мужской половиной. И нельзя было никого спрашивать. Я сам должен был знать все.

А Потокина, пришло мне в голову, она знает о женщинах? Надо будет рассказать ей «Декамерон». И косвенным способом прояснить неизвестные мне детали.

5. Свидание

После первого урока я подошел к шестому классу. На меня уставились все девчонки без исключения.

— Лера, можно тебя на минутку? — сказал я, поприветствовав шестиклассниц жестом китайских добровольцев. Потокина вспыхнула от радости и отошла со мной к окну, за фикус.

— Я тут прочел интересную книжку, — начал я, — называется «Декамерон». Не читала?

Нет, — испуганно сказала она.

Ничего, я тебе ее расскажу.

Ой, а когда?

У тебя мама когда с работы приходит? (Мама Потокиной работала в продснабе, а папы не было.)

В шесть.

Значит, я после школы зайду домой, а потом приду к тебе.

Ладно! — сказала она радостно.

Только ты никуда не уходи.

— Ждать буду! — сообщила Потокина громко, высунувшись из-за фикуса.

У них было все на гвоздях. Висели плечики с платьями на газетах, чтобы не пачкались об известку, висел круглый картонный репродуктор на белом от известки гвозде, висели фотографии под стеклом, где Потокина была еще не красавица, удивленная и голопупая.

— Так, — сказал я. — Чайшко у тебя не найдется? Поставь, а я пока начну тебе рассказывать о Рустико и Алибек. Если что-то непонятное встретится, ты не стесняйся, спрашивай...

Что-то в моем рассказе показалось Потокиной удивительным. Она покраснела.

— И так понравилось Алибек загонять дьявола в ад, что Рустико похудел и от усталости не мог больше этого делать. И очень обрадовался, когда за Алибек приехали родственники... Все понятно? — спросил я.

— Да... — ответила она сдавленным голосом.

— Интересно, — сказал я без всякого любопытства, — и ты знаешь, где этот ад?

— Ну... — сказала Потокина и отвернулась. — Здесь...

— Где? — продолжал настаивать я.

— Ой, да это еще в садике... — раздраженно начала Потокина и ткнула рукой вниз: — Здесь.

Мне стоило усилий не показать свое удивление и спросить, как о чем-то несущественном:

— А дьявол, выходит...

— Там! — развеселилась Потокина, покончив со своей половиной задачи и направила палец мне в штаны. Я поежился.

— Здорово вас учат в садике, — сказал я как ни в чем не бывало. — Теперь я расскажу о дочери султана, тебе интересно?

— Еще бы! — воскликнула Потокина. — Ты меня просто удивляешь!

— Чем?

— Тем, что ты такой маленький, а ужасно умный!

— А ты уже целовалась по-настоящему? — задал я самый главный вопрос, потому что ее ответы про дьявола и ад посчитал шуткой.

Нет, я только слышала.

Я тоже. Мы замолчали.

Хочешь попробовать? — не вынесла она.

Давай, — сказал я, но не пошевелился.

Она приблизила ко мне свои серые испуганные глаза и коснулась своими губами моего рта. Ничего особенного, одна щекотка.

— Странно, — сказал я. — Почему они от этого теряют сознание?

— Не знаю, — честно ответила Потокина. Мы еще посидели.

— Там пишут, что они языки высовывают, — сказал я.

— Это же смешно! — возразила Потокина. — Я слышала, что рот надо открыть.

— А что же ты не открыла?

— Но ты же все знаешь! Такие мне истории рассказал, что я чуть не описалась!

— Знаю, — согласился я. — Но мне интересно, насколько ты это знаешь.

— А ты по-настоящему целовался?

— С кем? — горько спросил я. — Может, с биологичкой Новиковой? Потокина заржала. Потом, все еще хохоча, она обняла меня за шею и прижалась открытым ртом и стала сосать мои губы! Я чуть сам не описался!.. А потом мне стало действительно как в «Декамероне». У меня голова закружилась! Сердце застучало! Глаза закрылись!

— Вот это да... — сказал я. — Хорошо, что ты первая.

— Ой, да хоть сколько, если тебе так хочется!..

Домой я вернулся такой... Уроки учить не стал. Да меня и не вызвала учительница Мария Михайловна. Только пятерки ставила за ответы с места.

6. Светка

Подруга Потокиной Леры, Светка, жила на Стадионном краю поселка, ниже нашего дома.

Ее мать приносила нам молоко в трехлитровой банке.

После моего возвращения из Китая Светка стала приходить вместе с матерью и рассматривать нашу кухню.

Если Потокина была худенькая, тонкая, то Светка Сахно в шестом классе уже была круглей всех. Может, молоко пила и теплым хлебом заедала.

Моя мама никак не могла понять, почему она ходит к нам. Но иногда соглашалась послать ее за хлебом или покарать кашу.

Я знал, что Светка ходит из-за меня, но сравнить ее с Потокиной?.. Даже мысли такой у меня не возникало. Но наши встречи с Лерой у нее дома как-то сами собой прекратились. Целоваться с ней мне было разрешено, однако разговаривала она уже без прежней преданности.

Зато Светка стерегла каждый мой взгляд. У нее были такие ответные взгляды, что сбивали меня с мысли.

И еще она была горячая, как печка. На улице мороз сорок, а она бегают в незастегнутом пальто. Но цвет лица у нее был не свекольный, как сказала мама, а румяный.

Вот только ее толстота... Мне казалось, что все девочки должны быть такие, как Потокина.

Когда я сидел на коленях у Леры и мы целовались, то я не думал о том, на чем я сижу и что обнимаю: вся жизнь в эти моменты была в ее рту и глазах, которые иногда открывались и вопросительно смотрели на меня.

Поэтому к толстоте Светки я относился с каким-то презрением. До одного вечера, о котором сейчас расскажу...

7. Вечер

У нас на золотом руднике работали бамовцы. Еще до войны они строили железную дорогу к Якутску, и было много лагерей на Крестовке, на Янкане. А потом работали в шахте.

Иногда они бежали из лагеря домой.

Я видел, как их везли на Алдан в машинах с автоматчиками и ключей проволокой на бортах и не мог представить их жизнь в лагере. Мне казалось, что там примерно так, как в бараке.

Когда они бежали из лагеря домой, в поселке вечером детей на улицу не пускали.

Так и в тот вечер. Родители пошли на день рождения в субботу и попросили маму Сахно, чтобы Светка переночевала у нас.

Я, конечно, уважаю своих родителей, но допустить такое — это значит пустить лису в курятник.

Печка еще не догорела, там гуляли синие огоньки, а она торопила меня закрыть заслонку. Как будто собиралась красиво погибнуть вместе, чтобы вся школа только об этом и говорила.

Она не настаивала. Ее лицо у раскрытой дверцы было просто малиновым. И глаза неподвижно смотрели на истекающие светлоалым соком огня формы поленьев.

Глаза у Светки были зеленые. Мне пришлось не согласиться с прежним своим отрицанием: она была по-другому, чем Потокина, женская.

Но я ждал, что она придумает.

Потокина была готова к выполнению заданий, а эта что-то готовила сама. Она как будто была, как на уроке химии — постоянно перемешивала одно с другим. Я был для нее самым необычным материалом.

Если бы я разбирался, то Светка с большим наслаждением раскрутила бы меня гаечным ключом, как велосипед. А так — печка догорела окончательно, мы поднялись на затекшие ноги и Светка сказала:

— Я закрываю, — и она задвинула заслонку (или заслонила задвижку — так я тут же сказал ей, от чего она чуть не потеряла сознание). — Пошли.

— Куда?

— Ложиться спать.

— Еще рано. Я хочу порисовать.

— Там порисуешь.

— Где?

— В постели.

— Там неудобно.

— Я помогу.

Я с удивлением посмотрел на нее. Даже Потокина не смогла бы сказать так красиво.

— Ты в моей кровати не поместишься, — сказал я.

— Мы ляжем на родительской (ей постелили на полу).

— Они заметят.

— Я снова все расправлю. Скажем — баловались.

Я был просто в восхищении! Она была значительно интереснее Потокиной!

— А для чего нам ложиться вместе? — спросил я.

- Чтобы ты не боялся.
- Тебя?
- Нас.

Мое детское сердце было покорено. В дальнейшей жизни я уже не встречал такой собеседницы. Я потянулся снизу поцеловать ее. Она села на стул, по-хозяйски поставила меня между ног и понастоящему поцеловала меня.

— Тебя уже, оказывается, попробовали, — сказала Светлана ревниво. — Неужели Лерка?

— Я ей рассказал «Декамерон».

— Это что?

— Книга. Давай я тебе прочту.

— Не надо. Лучше расскажи.

— У одного сеньора была распутная жена...

— Давай лучше лежа. Дальше было так: я рассказывал, а она показывала. До сих пор я помню наши трудные и мучительно-сладкие уроки. Ее светло-алые глубины тела сочились огнем. Я наконец понял, что все, связанное со стонами и рыданиями женщин, у меня есть — это писька, которую я использую пока только в одном предназначении. Всему свое время.

8. На слете

Одной из первых поездок с Майрамом Николаевичем была поездка на всесоюзный пионерский слет в Москву на зимние каникулы. Я был избран на долгие годы вперед сначала от Амурской области, а потом от всех последующих.

Иногда я пугался по ночам, что лишусь своего дара, не смогу говорить интересно. Но наступало утро и я был неисчерпаем, как родник у Кислицыных. У них прямо у крыльца била жилка ледяной воды.

Мне только мешало, когда среди слушателей не было ни одного умного человека.

И дома я не мог говорить интересно, потому что мама с папой посмеивались над моими успехами. Они любовно считали меня маленьким обманщиком. Ничем я не смог в дальнейшем их переубедить. Они так и скончались в полной уверенности, что родили жулика.

На слете в Доме Советов у Театральной площади мне дали текст речи.

Я прочитал и сказал, что это скучно, я лучше сам. Майрам Николаевич приготовился взять меня за ухо (делал это до седьмого класса, пока его не сбила машина), но московский смешливый дяденька с пионерским галстуком вдруг заинтересовался и сказал, чтобы я попробовал сам.

Я тут же сказал речь. Он удивился и пригласил тетеньку в красном галстуке и старого большевика с палкой.

Они выслушали меня (это была уже другая речь, о чем возбужденно сказал смешливый дяденька), и все посмотрели на старого большевика. «Троцкизм» — сказал он с раздражением. Но потом погладил меня по голове и сказал, чтобы я учил текст.

В дальнейшем выучивание текстов стало для меня причиной склонности к алкоголю.

Но на слете я чуть не опозорился. Выученная речь куда-то провалилась в меня и осталась одна черная яма вместо нее, как в уборной.

Я стоял молча, в зале начался шумок, я решил, что больше мне никуда не ездить, и вдруг отчеканил такое, что президиум встал и аплодировал стоя.

9. Поселок

Никто не знал, как мне удалось стать таким ловким рассказчиком. А сейчас скажу, ладно. В семь лет я внезапно поумнел. Думаю, что это было связано с пейзажем.

Школьная гора рассекает поселок на две части. Она как трамплин. Я забрался туда в сентябре, после первого дня в первом классе, было тепло, желтые от осенних лиственниц сопки были ниже и окружали меня со всех сторон, змеясь уже синеющими хребтами к Якутии и Тихому океану (еще одной моей страстью была география).

Школьная гора была невысока для меня, потому что она вытекала из самого высокого янканского хребта и на его подножии стояли дома начальства прииска, и на самом верху — школа. А я стоял на тропе среди кустов багульника, как будто завис на пара-

шюте, и мог любоваться каждым домом, улицей, речкой, человечками внизу.

Я так сильно любовался пейзажем, что вдруг заговорил.

Я не успевал удивляться словам, которые лились.

Меня никто не слышал: дымилась сорокаметровая труба электростанции под Станционной горой, за Второй Станционной горой (вместе их называли Грудь Марии, я думал, что в честь Марии Михайловны, нашей учительницы), как в пейзаже за Моной Лизой, клубились неизвестные лесные, речные и дорожные дали, и солнце заглядывало к нам между сопок, как в свой дом, где у него нет времени отдохнуть — дела.

